

Глава 9. Приют в тайной обители и первые уроки мастерства

Отыскать тайную обитель крысиного оборотня труда не составило. Вековой фикус хуанцзюэ служил отличным ориентиром: пусть он и не подпирал кроной небеса, но всё же выглядел величественно. К тому же, к вящему облегчению беглецов, падающие с неба обломки почти не задели его исполинских ветвей.

Сам лаз вел под землю прямо с поляны у корней. Он уходил в кромешную тьму, где ни зги не было видно. Стоило всей четверке переступить невидимую черту и оказаться под защитой барьера, как Ся Цзинго запечатал вход. Изнутри всё ещё можно было разглядеть то тоскливое безумие, что творилось снаружи, но для внешнего мира они растворились, а сыплющийся с небес мусор теперь бессильно отскакивал от невидимого купола.

Освещая путь пылающим клинком Огненного Пика, Ся Цзинго уверенно зашагал впереди.

Миновав длинный, сырой коридор, спутники очутились в просторном зале. Впрочем, этот грот, похоже, заменял хозяину и гостиную, и спальню, и кабинет, и место для медитаций — Ся Цзинго огляделся вокруг и не обнаружил больше ни одной двери или прохода. Всё нехитрое хозяйство оборотня ютилось в единственной зале.

У противоположной стены, прямо по центру, возвышалось огромное каменное кресло, размерами превосходящее иную кровать. Оно было заботливо укрыто роскошной тигриной шкурой. мех лоснился, а темные полосы на пятнистой шкуре — особенно узор в виде иероглифа «ван» на лбу хищника — казались выписанными чистейшей тушью. Посреди пещеры сквозь незаметную расщелину в потолке струился слабый, рассеянный свет. Сюда, в самый центр грота, стекались крупницы лунного и солнечного сияния — судя по всему, именно здесь крысиный оборотень предавался созерцанию и копил духовные силы.

Впрочем, из всей четверки лишь Ся Цзинго обратил внимание на эти тонкости.

Сян Жун бережно усадил сестру на тигриную шкуру, а затем и сам без сил повалился рядом. Тяжело вздохнув, он пробормотал:

— Наконец-то мы в безопасности. Ну и денёк выдался... Надо бы перекусить хоть чем-нибудь, а то в животе пусто.

Фэн Фулин согласно кивнул и принялся развязывать дорожный узел с припасами. Еда у них была скудной — простые пресные лепешки, которые в зимнюю стужу успели промёрзнуть и стать твердыми как камень. Да и осталось их всего три штуки. Поразмыслив, он отдал целую лепешку Сян Юй. Оставшиеся две он разломил, но не поровну: бóльшие куски оставил себе и Сян Жуну, а меньшие половинки протянул Ся Цзинго. Он помнил, что юноша только-только очнулся после четырехдневного беспамьяства и нуждался в восстановлении сил. Вот только станет ли изнеженный заклинатель из вышних пределов грызть эту грубую, черствую стряпню смертных?

— Воды нет, так что не обессудь, — негромко произнёс Фэн Фулин, протягивая угощение.

Ся Цзинго даже не шелохнулся, чтобы взять еду. Вместо этого он с искренним любопытством уставился на черствый кусок в руках юноши.

— Что это такое?

— Лепешка. Никогда не видел? — Фэн Фулин протянул руку чуть ближе. На мгновение он изумился, но он тут же взял себя в руки, и всё понял. Должно быть, этот благородный господин привык к изысканным яствам и знать не знал о пище простых людей. — Другого всё равно нет, так что ешь.

На самом деле Фэн Фулин, никогда прежде не общавшийся с настоящими заклинателями, сильно заблуждался. В такой великой обители, как Школа Девяти Великолепий, никто не заботился об изысканных блюдах — там и кухни-то отродясь не водилось.

Священные мужи обходились аптекарским залом, где выплавляли пилюли голодания. Да и те печи разжигали лишь изредка, в основном ради новоиспеченных учеников вроде Ся Цзинго, чьё тело ещё не полностью освободилось от мирских нужд.

Лепешки хоть и зачерствели, но пёк их явно знаток своего дела: золотистая корочка аппетитно хрустела, источая едва уловимый аромат дымка и поджаренной муки, а мякиш внутри оставался пышным и белым. Один только вид этого скромного яства пробуждал зверский аппетит. Ся Цзинго впервые держал в руках земную пищу — он вообще никогда не видел ничего съедобного, кроме пресных пилюль голодания, и бороться с искушением было нелегко. Однако он прекрасно знал, что мирская пища полна нечистот, которые засоряют каналы ци и вредят самосовершенствованию. Ради чистоты своей духовной основы следовало отказаться.

К тому же у Фэн Фулина в узелке нашлось всего три лепешки. Никаких других запасов у них не было, а значит, очень скоро его спутникам придется туго. Сам он мог обходиться без еды, а вот эти трое простых смертных — нет. Одно лишь это соображение заставило его принять твердое решение.

Ся Цзинго ещё раз взглянул на манящую корочку, а затем мягко оттолкнул руку Фэн Фулина.

— Оставьте себе. Я могу обходиться без пищи три дня, так что совсем не голоден.

—... — Фэн Фулин замер. Он недоверчиво прищурился, оглядывая юношу с ног до головы. — Ты ведь всего лишь на стадии Очищения Ци. Неужели и правда можешь голодать без вреда для тела?

— Правда могу, — Ся Цзинго с улыбкой покосился на источающую дразнящий аромат лепешку.

— Неизвестно, сколько ещё продлится этот небесный камнепад. Берегите припасы, вам они

нужнее.

Убедившись, что в словах заклинателя нет ни капли притворства, Фэн Фулин молча спрятал куски обратно в узелок.

— Всё равно нам пока делать нечего, — продолжил Ся Цзинго. — Как закончишь, я обучу тебя основам совершенствования.

Фэн Фулин отказываться не стал.

— Благодарю, — коротко кивнул он.

— Не стоит благодарности. Ты спас мне жизнь дважды, а я до сих пор толком тебя не отблагодарил, — Ся Цзинго перевел взгляд на притихшего Сян Жунуна. — Хочешь составить нам компанию? Если есть желание, я обучу и тебя.

Сян Жунун от удивления чуть было не поперхнулся лепешкой.

— Но ведь для этого нужен особый дар, разве нет? Неужели твои тайные техники под силу освоить любому встречному?

— В обычное время — да, природный талант решает всё, — согласился Ся Цзинго. — Но сейчас времена изменились. Чем больше людей овладеет хоть какими-то техниками, тем выше шансы уцелеть в этой заварухе. Вы ведь и сами видите: я всего лишь на стадии Очищения Ци и вряд ли смогу защищать вас вечно. К тому же я собираюсь передать вам самую обычную вводную ментальную технику, которая в мире заклинателей известна каждому встречному-поперечному. Это не тайное учение моей школы, так что никаких обязательств перед Школой Девяти Великолепий у вас не возникнет. Ну так как, решишься? Считай это щедрым подарком судьбы.

Сян Жунун молча жевал лепешку, борясь с внутренними сомнениями. Спустя несколько долгих минут он наконец решился:

— Буду учиться.

Пока его спутники торопливо насыщались, Ся Цзинго ещё раз осмотрел убогую пещеру. Ни бумаги, ни туши здесь, разумеется, не нашлось. Делать было нечего: призвав ледяной меч, он принялся аккуратно высекать на каменном полу строки ментальной техники.

Базовые ментальные техники пяти стихий были краткими и простыми, но к тому моменту, как юноша закончил высекать последний иероглиф, его лоб покрылся испариной, а с начала работы прошёл добрый час. Фэн Фулин и Сян Жунун давно расправились со своей скудной трапезой. Малышке Сян Юй досталась самая большая доля, но съела она меньше всех. Как ни

уговаривал её брат сделать ещё хоть укус, она лишь упрямо мотала головой, уверяя, что сыта по горло. Глядя на неё, Ся Цзинго мысленно вздохнул.

«Какая стойкая и заботливая девочка»

Пока Ся Цзинго трудился над надписями, Фэн Фулин и Сян Жун заворожённо следили за движениями его руки, слушая пояснения к непонятным терминам. К тому моменту, как острое клинка завершило последний штрих, суть учения была в общих чертах разъяснена. На самом деле основы совершенствования сводились к правильному искусству дыхания. Разница заключалась лишь в путях, по которым ци текла сквозь меридианы тела. Сам же способ сосредоточения и циркуляции оставался неизменным. Для Фэн Фулина, которому предстояло испробовать все пять стихий, это было на руку: поняв общий принцип, он легко мог переключаться между ними, главное — точно находить нужные акупунктурные точки и направлять туда волю.

Немного передохнув, Ся Цзинго решил испробовать на Сян Жуне тот самый метод определения стихийного сродства, который с треском провалился на Фэн Фулине. К его облегчению, у Сян Жуна всё прошло без сучка и задоринки — парень оказался носителем элемента земли. Обучив спутников правильной позе со скрещенными ногами и показав, как складывать пальцы в священную печать Инь-Ян, Ся Цзинго велел Сян Жуну сосредоточиться на ключевых меридианах земли и занять место прямо под световым столбом в центре пещеры.

Когда тот устроился, Ся Цзинго добавил:

— Сможешь ли ты ощутить дыхание ци, зависит только от твоего упорства. У кого-то на это уходит три дня, у кого-то — пара месяцев. Главное — не торопи события и не пытайся взять силу нахрапом. Чем сильнее спешишь, тем дальше ускользает понимание.

— А если... если у меня вообще ничего не выйдет? — с тревогой в голосе спросил Сян Жун.

Ся Цзинго ободряюще улыбнулся:

— Ничего страшного. Не всем суждено родиться великими гениями. Даже если твой талант скромнен, через год-другой упорных трудов ты всё равно почувствуешь ток духовной энергии.

Сян Жун растерянно моргнул.

— Но если на это уйдут годы, какая нам польза от этих занятий прямо сейчас?

Ся Цзинго невозмутимо пожал плечами:

— Не бери в голову. Я просто решил попытать удачу.

Сян Жун лишился дара речи.

Разобравшись с Сян Жуном, Ся Цзинго озадаченно повернулся к Фэн Фулину.

— У Сян Жуна обычное тело смертного. Твоё же... истинная загадка для меня, — он указал кончиком ледяного меча на высеченные иероглифы. — Попробуй прочесть все пять ментальных техник. Посмотрим, какая из них отзовётся в твоей душе.

Фэн Фулин промолчал.

Убедившись, что вопросов больше нет, Ся Цзинго устроился рядом с ними в круге струящегося света. К счастью, прежний хозяин пещеры отличался весьма упитанным сложением, так что места под световым куполом с лихвой хватило на всех троих.

Сделав глубокий вдох, Ся Цзинго направил духовные потоки по внутреннему кругу. К его великому облегчению, рассеивание истинной ци оказалось не столь катастрофическим, как он опасался.

«Я ведь думал, что в загрязненном мире смертных, да ещё и после безумной растраты сил в полуразрушенном храме, мой духовный источник должен был иссякнуть. Однако море ци оказалось на удивление полным»

Окончательно успокоившись, Ся Цзинго медленно погрузился в теплую, умиротворяющую бездну. Границы окружающего мира стёрлись, мысли угасли, и он перешел к глубокой медитации.

Когда сознание вернулось к нему и он открыл глаза, время потеряло счет. Фэн Фулин всё так же сидел неподалеку, погруженный в созерцание. Сян Жун и его сестрёнка сладко спали: один укрылся единственным одеялом, которое им удалось унести с собой, другая завернулась в тигриную шкуру, служившую подстилкой старому крысу. Зрелище было сиротливое — обоим явно донимала ночная прохлада. Ся Цзинго осторожно растер затекшие руки и ноги, возвращая телу былую легкость, и бесшумно поднялся.

Фэн Фулин, чьё погружение было не столь глубоким, мгновенно уловил шорох и открыл глаза.

Ся Цзинго тепло улыбнулся, глядя на его усердие:

— Ты только ступил на этот путь, твоему телу необходим полноценный отдых. Насиловать себя без сна — плохой способ достичь мастерства.

Фэн Фулин покачал головой:

— Я на страже. Заодно практикуюсь.

Ся Цзинго понимающе кивнул. Сам он во время медитации полностью терял связь с реальностью. И пусть это место казалось надежным убежищем, осторожность никогда не бывала лишней. Случись что, сонные люди оказались бы легкой добычей.

— Вы правы, нужно быть начеку, — признал он. — Теперь моя очередь. Ложись спать, я посторожу. Сян Жуна будить не будем, пусть отдыхает.

Фэн Фулин поднялся, тихо ступая по холодному камню, и подошел ближе. Взглянув на расстилавшуюся за пределами барьера серую мглу, он негромко обронил:

— Не спится.

Затем повернулся к Ся Цзинго. Быть может, виной тому была недавняя практика, но его глаза в полумраке пещеры казались глубокими, бездонными омутами, в которых отражался холодный блеск.

Ся Цзинго на мгновение показалось, что этот пронзительный взгляд пробуждает в душе давно забытые воспоминания. Он мягко усмехнулся:

— Какое странное чувство... Глядя на тебя, я не могу отделаться от мысли, что мы были знакомы давным-давно, ещё в прошлой жизни.

Фэн Фулин так и застыл на месте.

Эти слова прозвучали точь-в-точь как легкомысленное заигрывание. Учитывая, что днём Ся Цзинго во всеуслышание разглагольствовал о готовности «отплатить за спасение собственным телом», в глазах Фэн Фулина и Сян Жуна этот изнеженный заклинатель прослыл ветреником, начисто лишённым стыда и приличий.

Разумеется, Фэн Фулин даже не подумал воспринять его фразу буквально. В его голове тут же зароились возмущенные мысли.

«И что это должно значить?»

«Мальчишка-заклинатель, а туда же — откуда в его юной голове столько бесстыдных уловок?»

«Да что он вообще смыслит в истинных чувствах? Неужто до сих пор лелеет глупую мысль о женитьбе и не собирается отступать?»

Раздражение мгновенно прогнало остатки сонливости, и Фэн Фулин резко ответил:

— Глупости. Я тебя точно никогда не видел, — решив, что этого мало, он смерил собеседника ледяным взглядом и добавил: — Разве вы, бессмертные мастера, не обязаны бежать от мирских страстей и хранить чистоту помыслов?

— Всё верно, — чистосердечно согласился Ся Цзинго.

Столь обезоруживающая искренность смутила Фэн Фулина. Он бросил на юношу сложный, нечитаемый взгляд и почти назидательно произнёс:

— Вот и не забивай себе голову всяким вздором.

Ся Цзинго озадаченно моргнул. Что за вздор? Поразмыслив, он пришел к выводу: должно быть, Фэн Фулин заметил, как сильно он убивался днём из-за безвременной кончины старого крыса. Похоже, его бурные чувства не укрылись от взгляда этого смертного.

«Поразительно, насколько глубоко этот парень понимает суть духовного пути!»

Юноша тихо вздохнул:

— Я и сам рад бы этого избежать. Но мир смертных не зря зовут бушующим морем страстей. Стоит лишь поддаться мимолетному порыву, как волнения захлестывают тебя с головой, и совладать с сердцем становится невозможно... Ты абсолютно прав, подобные метания лишь вредят совершенствованию.

Фэн Фулин опешил. Он мгновенно напрягся, а его лицо стало неподвижной маской.

Миновала целая вечность, прежде чем он выдавил сквозь зубы:

— Даже не думай об этом.

Ся Цзинго, совершенно потеряв нить разговора, удивленно воззрился на спутника. К своему величайшему изумлению, он обнаружил, что всегда суровый Фэн Фулин густо покраснел и плотно сжал губы от неловкости.